

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

**САНДРА
БРАУН**

НОВЫЙ РАССВЕТ

Сандра Браун
Новый рассвет
Серия «Коулмены», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4602345

Новый рассвет / Сандра Браун ; [пер. с англ. М. Сапрыкиной, Е. Токаревой]: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58200-6

Аннотация

Дикая, бескрайняя земля Техаса, такая же яростная и необузданная, как страсть, вспыхнувшая в сердцах юной Бэннер и одинокого бродяги-ковбоя Джейка, старого друга ее родителей. После несостоявшейся из-за предательства жениха свадьбы Бэннер, сжигаемая противоречивыми чувствами, проводит ночь с Джейком. В это время ее отвергнутый жених, желая отомстить, обращается за помощью к расчетливой хозяйке местного борделя, Присцилле. Ей известно многое о Джейке, и она не прочь отомстить ему за прошлые обиды...

Содержание

Пролог	4
1	13
2	22
3	33
4	43
5	55
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сандра Браун

Новый рассвет

Пролог

Человек неуклюже поднялся, вытащил пистолет, взвел курок, прицелился. Огромным задом задел стол, стол закрипел, стаканы с вином закачались, один опрокинулся. Из пепельницы выпала сигара и прожгла дырочку в зеленом сукне.

Джейк Лэнгстон устало вздохнул. Он пришел поиграть в покер, выпить стаканчик виски, поразмяться часок-другой в одной из постелей наверху – игра, выпивка, секс – все равно что, лишь бы убить оставшееся до поезда время. А его втянули в карточную перебранку с этим деревенщиной. Хотелось надеяться, что Кэрмет, или как там его, лучше управляется с плугом, чем с пистолетом.

– Так я, говоришь, передергиваю? – спросил фермер.

Бедняга не привык пить, разве что пивка субботним вечером, так что сейчас трезвым его трудно было назвать. На ногах он держался, но покачивался, как моряк на палубе во время шторма. Мясистое лицо вспотело и побагровело, пистолет, направленный прямо в грудь Джейку, дрожал в неумелой руке.

– Я только сказал, мне сдается, тузы-то у тебя в рукаве. Больно хорошая карта тебе идет. – С бесстрастным лицом, сдерживая ярость, Джейк потянулся к стакану, стоявшему у его правой руки, – а уж эта рука умела держать оружие, – и медленно отпил глоток.

Взгляд фермера беспокойно забегал по темному, похожему на пещеру бару. Он вдруг понял, что все глаза устремлены на него. Никто не двигался. Как только началась заварушка, музыка смолкла. Толпа игроков опасливо отхлынула от брошенного в озеро камня. Фермер пыжился изо всех сил.

– Врешь. Я не мухлевал. Попробуй обыщи меня.

– Ну ладно.

Через минуту все было кончено. Только те, кто стоял совсем близко, разобрались и позже рассказывали, что же на самом деле произошло. Джейк вскочил, гибким, молниеносным движением выхватил пистолет, ударив фермера по руке. Прогредел выстрел, и пуля ушла в пол, никого не задев.

Кэрмет судорожно сглотнул, сдавленно вскрикнул. На него смотрели глаза, холодные, как сосульки, что намерзают на карнизе от сырого январского ветра. Глаза куда более опасные, чем направленное ему в лицо дуло. Противник был легче килограммов на пятнадцать, но страшен, как готовая прыгнуть пантера.

– Бери половину монет. Они твои по праву.

Фермер, сминая банкноты, торопливо закидывал их в карманы штанов. Он походил на лисицу, попавшую в капкан и готовую лапу себе отгрызть, лишь бы вырваться на волю.

– Теперь подбери свою игрушку и вали отсюда.

Кэрмет повиновался. Просто чудо, что ему удалось благополучно опустить курок трясущимися руками и засунуть пистолет в кобуру.

– Мой тебе совет, научись сперва жульничать и не попадаться, а потом уж приходи снова.

Фермер ретировался, клянясь себе, что ноги его больше здесь не будет. Он чувствовал и унижение, и облегчение: все-таки остался цел, а не валяется на полу, истекая кровью, и даже не придется возвращаться домой пустым и слушать бесконечное нытье жены.

Пианист вновь заиграл подпрыгивающий, пронзительный мотивчик. Клиенты игорного зала неторопливо расходились к своим столам, покачивали головами, ухмылялись. Забытые в пепельнице сигары снова задымились. Бармен немедленно принялся наполнять стаканы.

– Извините, коли помешал, – дружески обратился Джейк к игрокам и сгреб свой столбик монет из кучи выигранных денег. – Остальное поделите, – кивнул он на деньги, которые фермер благоразумно оставил на столе.

– Спасибо, Джейк.

– Пока, Джейк, до встречи.

– Мог бы убить его – он ведь целился тебе в грудь.

– Еще как мог. Мы бы прикрыли тебя.

– Черт бы побрал этих мужланов.

Джейк пожал плечами, повернулся и вышел, оставив приятелей обсуждать случившееся. Он достал из кармана рубашки тонкую сигару, откусил кончик, сплюнул на пол. Чиркнул спичкой, закурил и, петляя между столиками, направился к дубовой стойке, тянувшейся вдоль стены. По слухам, ее привезли в Форт-Уэрт по кускам из Сент-Луиса и тщательно собрали уже на месте. Она была покрыта затейливой резьбой, украшена зеркалами и уставлена бутылками и стаканами. Все сияло чистотой. Хозяйка не переносила пыли. Вдоль медного барьера были расставлены медные же плевательницы. Плевать на пол в «Райских куцах» Присциллы Уоткинс строго воспрещалось – об этом возвещали расклеенные там и тут написанные от руки таблички.

Джейк улыбнулся. Натертый до блеска пол – предмет гордости хозяйки – был осквернен пеплом его сигары. Со странным удовольствием Джейк убедился, что шпоры оставили царапины на гладкой поверхности. Он опять едва заметно усмехнулся одними уголками большого тонкогубого рта. Присцилла. А вот и она сама, стоит на нижней ступеньке винтовой лестницы, блистательная, как царица Савская. В ярко-красном атласе, отделанном черными кружевами. Ни один мужчина не пройдет мимо. Так было всегда. Джейк впервые встретил ее почти двадцать лет назад, тогда она носила застиранные ситцевые платяица, и все равно – все оборачивались на нее.

Ее белокурые, пепельного оттенка волосы были собраны в высокую прическу и украшены пурпурным страусовым пером. Перо свисало на щеку и как бы заигрывало с раскачивающейся в ухе блестящей черной серьгой. Присцилла важно, по-королевски наклоняла голову.

И в самом деле, этот бордель был ее королевством. Она управляла им как всевластный деспот. Если девушек, слуг или гостей не устраивали ее распоряжения – их немедленно выставляли вон. Зато весь Техас в том, 1890 году знал, что «Райские куцы» в Форт-Уэрте – лучший бордель в штате.

Стуча комнатными туфельками, Присцилла спустилась вниз и остановилась на последней ступеньке. За ней шлейфом тянулся мускусный запах парижских духов. Она подошла к стойке. Джейк пригубил виски.

– Мистер Лэнгстон, из-за вас я потеряла клиента.

Джейк даже головы не повернул, только кивнул бармену, чтоб налил еще порцию.

– Ну, одного-двух ты можешь потерять. Не разоришься, Прис.

Это обращение выводило ее из себя. А ему нравилось так ее называть – как нравилось корябать пол в ее баре. Только старым друзьям позволялось называть ее «Прис». Но были ли они с Джейком друзьями? Или врагами? Она никогда не знала наверняка.

– Почему так: месяцами все идет хорошо, а ты появишься – начинаются беспорядки.

– Правда?

– Всегда так.

– Этот деревенский чурбан целился в меня. Чего б ты хотела? Чтоб я подставил другую щеку?

– Ты сам начал.

– Он мошенничал.

– Я не хочу беспорядков. На этой неделе шериф приходил уже дважды.

– По делу или развлечься?

– Я серьезно, Джейк. В городе опять шум подняли, хотят закрыть меня. Каждая заварушка...

– Ладно, мне очень жаль.

Присцилла вздернула подбородок и засмеялась.

– Вряд ли. Ты всегда так. Или в игорном зале потасовку устроишь, или девочек моих перебудоражишь.

– Неужели?

– Они дерутся из-за тебя, и ты, черт возьми, знаешь это, – огрызнулась Присцилла.

Джейк обернулся, посмотрел на нее, ухмыльнулся без тени смущения.

– Дерутся? В самом деле? Будь я проклят.

Присцилла окинула его оценивающим взглядом. Да, выглядит Джейк отлично, и вдобавок это приобретенное с годами высокомерие... Он не был больше неоперившимся юнцом, он стал мужчиной, и таким, с которым приходится считаться и мужчинам, и женщинам. Присцилла похлопала его по груди веером из перьев.

– С тобой лучше не связываться.

Наклонившись, он конфиденциально шепнул:

– Отчего ж в таком случае ты всегда рада мне?

Рот Присциллы раздраженно скривился. Но она не устояла перед подкупающей улыбкой Джейка.

– В моем кабинете найдется виски получше этого. – Она положила руку ему на рукав. – Пойдем.

Они пересекли зал. Все смотрели им вслед. Не родился еще мужчина, способный устоять перед Присциллой. Она была откровенно, животно привлекательна, а рассказы о том, что она выделяет в постели, превращали ее в живую легенду. Конечно, надо делать скидку на склонность мужчин преувеличивать, когда речь заходит об их сексуальных подвигах, но историй о Присцилле Уоткинс ходило столько, что хоть крупница истины в них была. Вряд ли какому мужчине понравилось, если б у его жены так знойно, бесстыдно блестели глаза, но от шлюхи как раз это и требуется.

Но не воспоминания, а в основном любопытство и фантазия разжигали желание. Мало кто мог похвастаться близостью с Присциллой, поведать о ней что-нибудь «из первых рук». И дело не только в бешеных деньгах, которые она запрашивала. Она была привередлива. Она и за деньги мало кого допускала во внутреннюю комнатку с вечно запертой дверью. Комнатку, таившую соблазнительные секреты. Все мужчины в баре завидовали сейчас Джейку Лэнгстону.

Но если мужчины смотрели на него ревниво, то женщины просто пожирали глазами. Проститутки, шатающиеся по залу, развлекая толпу ранних вечерних посетителей, были работающими женщинами. Они знали цену доллару. Им приходилось быть практичными. Время – деньги. И они предлагали свои прелести клиентам. Но любая из них променяла бы несколько долларов, что могла заработать, на часок наедине с ковбоем Джейком Лэнгстоном – узкобедрым, высоким, стройным, смуглым, двигавшимся с кошачьей грацией. Тесные джинсы облегали ягодички и длинные ноги как вторая кожа. Свисавшая на бедро кобура револьвера подчеркивала мужественность. Мужчины его уважали – он так метко стрелял, что его нельзя было не уважать. А женщин его сомнительная репутация привлекала

еще больше. Она приносила в общение с ним элемент опасности, риска, и многие вполне уважаемые дамы соглашались, что это действует весьма возбуждающе.

Плечи и грудь у Джейка были широкими, но он вовсе не казался коренастым. А еще у него была изумительная походка. Он не ходил, а ступал. Девушки, которым посчастливилось принимать его у себя, божились, что неподражаемо, восхитительно дерзок он во всем, а не только с виду, и только при ходьбе очень недурно покачивает бедрами.

Присцилла извлекла ключ из корсажа с низким вырезом и отперла дверь в свои личные апартаменты. Войдя, сразу же бросила веер на хрупкий по-модному стульчик и направилась к маленькому столику налить Джейку выпить из тяжелого хрустального графина. Джейк захлопнул дверь, замок многозначительно щелкнул. Присцилла пыталась поймать взгляд Джейка. Она негодовала на себя – так сильно колотилось ее сердце.

Проведут ли они эту ночь вместе?

Гостиная Присциллы вполне могла бы принадлежать и порядочной женщине, в ней не было ничего вызывающего, кроме портрета обнаженной хозяйки – им один из гостей заплатил по счету. Он, конечно же, спал с Присциллой и изобразил ее в позе ленивого пресыщения. До невозможности декадентский портрет в позолоченной раме висел на стене над покрытой атласным покрывалом кушеткой, заваленной подушками с обшитыми шелковой каймой краями. Муаровые занавески на окнах были собраны в складки – точно как в лучших домах. На столах – салфеточки, тонкие, наподобие паутины. Казалось, можно представить, что их вышивала пожилая леди – почтенная бабушка почтенной хозяйки. Керосиновые лампы украшали круглые цветастые абажуры с подвесками, мелодично звенящими от малейшего дуновения ветерка. В углу стояла высокая ваза с павлиньими перьями. Пастушка XVII века, гологрудая и веселая, кокетничала со своим неизменным поклонником – пастушком с удрученным фарфоровым личиком.

Джейк неторопливо оглядывал гостиную. Он бывал здесь много раз. Но комната не переставала поражать его, потому что ее хозяйкой была бунтарка – дочь властной матери и слабовольного отца. Джейк, а тогда все называли его Бубба, брал ее на распаханых полях и в руслах пересохших ручьев. Когда дело доходит до этого, место ведь не имеет значения. Шлюха есть шлюха, неважно, где она занимается своим ремеслом.

Присцилла, не догадываясь о нелестных мыслях Джейка, подошла, протянула стакан, вынула сигару у него изо рта, поднесла ее к губам, глубоко затянулась, а потом медленно выдохнула дым.

– Спасибо. Я не разрешаю девочкам курить и стараюсь не подавать дурного примера. Пошли в спальню. Нужно переодеться, вечером будет много гостей.

Они прошли в следующую комнату. Вся в кружевах, откровенно женская, она до странности не подходила хозяйке. Присцилла была слишком жесткой для этого мягкого, в оборочках гнездышка. Что ж, приходится принаравливать ко вкусам клиентов, предположил Джейк.

– Помоги мне, пожалуйста.

Присцилла подставила спину. Джейк сунул сигару в рот, зажал ее ровными белыми зубами, прищурился сквозь дым. Отставил стакан. Ловко расстегнул ряд застёжек на спине Присциллы. Она сверкнула на него глазами через голое плечо, сказала осипшим вдруг голосом: «Спасибо, дорогой» – и отошла.

Джейк усмехнулся, развалился в парчовом кресле-качалке, задрал ноги в заляпанных грязью сапогах со шпорами.

– Чем занимаешься теперь? – Присцилла выскользнула из низко вырезанного платья ловким – наверняка заученным, уж слишком оно было ловким, – движением.

Джейк выпустил идеально круглое колечко дыма и потянулся за виски.

– Работал в Западной Виргинии, тянул изгородь оттуда к черту на кулички.

Присцилла красноречиво приподняла бровь, небрежно сбросила пурпурные туфельки. Почему-то считалось, что в разбросанной как попало одежде есть нечто распутно-привлекательное. Мужчинам не нравится, когда шлюха, прежде чем лечь в постель, приберет сперва комнату. Небрежность придает оплаченному сексу видимость искренности и непосредственности.

– В «щипцы» нанялся? – В вопросе таилась легкая насмешка. Так называли ковбоев, которым после окончания большого выгона скота приходилось снова искать заработок. Они нанимались огораживать колючей проволокой открытые пастбища и сами себя оставляли без работы.

– Ну, жрать-то надо, – легко возразил Джейк.

Он внимательно следил за Присциллой, смаковал каждый ее соблазнительный жест.

Корсет ее был туго зашнурован. Сдавленные им груди колыхались, прозрачная сорочка едва прикрывала их. Природа щедро одарила Присциллу. Она отбросила в сторону нижнюю юбку, села на маленький круглый пуф у туалетного столика. Зеркала по бокам были подвешены на петлях. Присцилла могла поворачивать их и изучать себя со всех сторон. Пуховкой из ягнячьей шерсти она легко провела по шее, плечам и груди.

– Ты передохнуть приехал? Скоро назад?

Джейк рассмеялся коротким, низким смешком.

– Ну нет. Надоело: перекасти-поле, пыль – и ничего больше. Я бросил это место.

– И какие у тебя планы?

Какие у него планы? Шататься, пока не подвернется работа. То, что он делал всегда – с тех пор, как стал взрослым. Он мог заработать приличные деньги на родео, их хватало, чтоб кормиться самому и кормить коня, поигрывать в покер и развлекаться в заведениях вроде «Райских куш».

– В скольких перегонах ты участвовал, Джейк? Я сбилась со счета – столько раз ты возвращался в Форт-Уэрт с севера!

– Я и то сбился. Несколько раз ездил в Канзас-Сити. Добрался однажды до Колорадо. Мне там не понравилось. Вообще-то ничего, но чертовски холодно.

Он заложил руки за голову и с наслаждением наблюдал, как Присцилла подкрашивает соски. Она набирала краску пальцем из крошечной баночки на туалетном столике и неторопливо, любовно наносила на груди.

– А ты как? Долго копила на это заведение?

– Пять лет.

Спроси, чего оно стоило, хотелось ей сказать. Сколько часов я проваливалась на спине. Сколько часов провела с жирными, потными фермерами, выслушивая их жалобы – жена, мол, не хочет больше детей и отказывает в супружеских правах, – сколько часов с грубыми, воняющими скотным двором ковбоями.

Сначала Присцилла работала в Джефферсоне, последней остановке на границе. Потом, когда построили железную дорогу, а Джефферсон остался в стороне и захирел, она перебралась в Форт-Уэрт – шумный городок, где сходились железнодорожные пути со всего штата, всегда полный ковбоев, которым не терпелось расстаться с заработанными на выгоне скота деньгами.

Здесь дела ее пошли в гору, Присцилла показала себя по-настоящему. В те дни клиенты получали сполна за свои деньги. Иногда и сверх того. Она стала известна. Она копила деньги. Когда их набралось достаточно, она пошла к одному из своих верных клиентов, банкиру, и заключила с ним тайную сделку. Они выкупили бордель у прежней мадам и превратили его во дворец удовольствий высшего класса. «Райские куш» не гнушались посещать не только буяны-ковбои, но и скотоводы, их работодатели. Затраты оправдали себя. Бордель оказался выгодным капиталовложением. За два года она расплатилась с банкиром. Заведение Прис-

циллы, расположенное в районе города, который назывался «Квартал красных фонарей», оскорбляло приличное общество, но зато обеспечивало хозяйку.

– Здесь всегда найдется работа. Будешь сдавать карты, или найму тебя вышибалой.

Джейк рассмеялся, поставил пустой стакан на стол около качалки.

– Нет, спасибо. Я ковбой и не люблю, когда вокруг стены. К тому же тебя послушать, если я буду торчать тут постоянно, девочки твои передерутся вконец. Не стоит волновать их, – насмешливо ответил он.

Присцилла нахмурилась. Теперь на ней было черное атласное платье. В волосах вместо пурпурного блестело черное перо, закрепленное застежкой с фальшивым бриллиантом. Джейк Лэнгстон всегда чересчур много о себе воображает. Она подавила улыбку, поправила: Джейк Лэнгстон всегда был высокого мнения о себе. Что ж, в мужских достоинствах ему не откажешь.

Присцилла натягивала длинные кружевные черные перчатки, эффектно оттенявшие ее руки и плечи, и украдкой разглядывала Джейка. Он возмужал и стал даже слишком привлекателен, дьявольски привлекателен. Ничего удивительного, что он так самонадеян. Раньше волосы у него были совсем светлые, теперь они потемнели, но не сильно. Женщин притягивают эти белесые пряди, как мошек свет фонаря. Кожа Джейка загорела, огрубела на солнце, окрасилась в цвет меди, отчего синие глаза казались еще ярче. Глаза и рот окружала сеть морщинок. Но эти следы прожитых лет не портили его, наоборот, он стал куда красивее, чем в юности. Он суров и жесток. Опасен. И за его ленивой усмешкой как будто кроется какая-то тайна. Усмешка намекает, что тайна эта весьма игривого свойства, порочная тайна, и он не прочь ею поделиться. Его мужественность столь вызывающая, что ни одна женщина не смогла бы противиться ему.

Присцилла помнила его мальчиком. Это она посвятила его в тайны секса. Тогда они встречались часто, встречи их были страстными, горячими, неистовыми. Так ли было бы сейчас? Много лет она томилась желанием узнать это.

– Ты надолго в Форт-Уэрт?

– Проездом. Вечером с последним еду в Восточный Техас. Помнишь Коулмэнов? Их дочь завтра выходит замуж.

– Коулмэн? Из обоза переселенцев? Росс, так ведь?

Присцилла прекрасно знала, о ком идет речь, но поддразнивала Джейка так же, как он всегда поддразнивал ее. Это была их игра, они играли в нее при каждом свидании.

– А как зовут женщину, ту, на которой он так великодушно женился?

– Лидия, – бесстрастно ответил Джейк.

– Ах да, Лидия. Лидия – и все, у нее ведь не было фамилии? Мне всегда любопытно было, скрывается она от кого, что ли.

Присцилла вынула пробку из хрустального флакончика с духами и слегка подушилась – за ушами, шеей, запястьями, грудью.

– Я слышала, они разводят лошадей на ранчо и все у них хорошо.

– Да, хорошо. Моя мать живет на их земле. И мой братишка, и Мика.

– Тот ползунок?

– Он уже большой. Стал отличным лошадиником. Я мало таких встречал.

– А что случилось с ребенком мистера Коулмэна? Ну, Лидия еще кормила его до их свадьбы.

Джейк помолчал, со сдержанным гневом взглянул на Присциллу.

– Ли, – ответил он наконец. – Они с Микой – два сапога пара. От них всегда много шума.

Присцилла оглядывала себя в зеркале, приглаживая волосы.

– Стало быть, дочь Коулмэнов взрослая, выходит замуж?

– Не больно она взрослая. – Джейк нежно улыбнулся. – Последний раз, когда я видел ее, у нее еще были косички и она донимала Ли и Мику, упрашивала взять ее укрощать строптивого жеребца.

– Сорванец?

Присцилла была довольна. Она помнила, какими телячьими глазами смотрел Джейк на Лидию Коулмэн. Все мужчины в поселке обожали Лидию, хотя их жены встретили ее с неприязнью. Не будь Лидия замужем за Россом Коулмэном, Присцилла безумно завидовала бы ей. Приятно думать, что дочь Лидии – долговязая девчонка, нескладный подросток, сорванец.

– Но, видно, она изменилась, раз выходит замуж, – продолжал Джейк.

Присцилла подняла веер и повернулась перед зеркалом, прихорашиваясь.

– Ну как?

Платье с большим декольте, отделанное такими же кружевами, что и перчатки, едва прикрывало грудь. Просвечивали подкрашенные соски. Спереди юбка доходила до носков черных атласных туфель и ниспадала коротким хвостом сзади. Турнир подчеркивал осиную, по моде, талию.

Циничные синие глаза дерзко ощупывали Присциллу.

– Роскошно. Я всегда говорил – очаровательней шлюхи не сыскать.

Джейк заметил, как гневно вспыхнули серые глаза. Он негромко рассмеялся, поймал Присциллу за руку, усадил рядом с собой на качалку. Веер выскользнул из ее рук, мягко опустился на пол. Перо сбилось набок. Но она не сопротивлялась. Джейк лег на нее.

– Ты предлагаешь мне весь вечер, так, Прис? Пора дать тебе, чего просишь.

Он прижался к ней. Губы Присциллы жадно раскрылись. Ее девочки не преувеличивали. Он знал свое дело. Каждая клеточка ее тела откликнулась на этот поцелуй. Она изогнулась, прильнула к Джейку, крепкому, мускулистому, ее пальцы перебирали густые белокурые волосы. Опытная, уверенная рука проникла ей под платье, гладила бедра, кожу над кружевными подвязками и теплую, трепещущую плоть. Колени ее раздвинулись, она прошептала: «О Джейк, Джейк, да, да, да...» Он всунул свободную руку между их телами, Присцилла подумала, что он хочет расстегнуть брюки. Джейк покачал у нее перед носом карманными часами, проверил время. Она как дура уставилась на него.

– Извини, Прис. – Он притворно поцокал языком. – Боюсь, не успею на поезд.

Разъяренная, она сбросила его с себя.

– Ублюдок!

Посмеиваясь, Джейк поднялся с качалки.

– Ну разве можно так со старым-то другом...

Выдержка изменила Присцилле. А с ней это случалось нечасто.

– Ты просто куча навоза! Тупая деревенщина! Ты что, в самом деле вообразил, что я хочу переспать с тобой?!

– Ну да, в самом деле. – Он подмигнул ей и направился в гостиную. – Жаль разочаровывать тебя.

– Я теперь недостаточно хороша для вас, мистер Лэнгстон?

Он обернулся.

– Ты достаточно хороша. Слишком хороша. Ты лучшая. Поэтому я не хочу тебя. Потому что ты лучшая шлюха в штате.

– Но ты только со шлюхами и спишь.

– Да, но если я незнаком с ними, я могу обманывать себя. Могу притворяться, что только я бываю в этой спальне. А ты всегда была шлюхой, сколько я тебя знаю. Дюжины мужчин перебивали в твоей постели. Неромантично как-то получается.

Присцилла позеленела от злости. Джейк увидел, какой страшной она может быть.

- Из-за брата, да? Ты ни разу не был со мной со дня его смерти. Ты не смеешь!
- Заткнись.

Голос его был таким безжизненным, что она испугалась и отступила, хотя не смягчилась до конца.

– Ты все тот же деревенский дурачок из Теннесси. О да, говорить ты стал получше. Нрав у тебя бешеный, мужчины уважают тебя. И баб ты научился ублажать. Но в душе ты все тот же Бубба Лэнгстон, глупый деревенский парнишка.

Джейк остановился на пороге. Его глаза больше не светились лукавством. Они были холодны и суровы, кожа на скулах натянулась, морщины по бокам рта залегли глубже.

- Нет, милочка. Он давным-давно пропал, сгинул.

Гнев Присциллы прошел, она прищурилась.

– Я докажу, что ты все еще хочешь меня. Обещаю. Однажды ты позволишь себе вспомнить, что было между нами. Мы были детьми тогда. Горячими, необузданными, жадными. Это могло бы повториться. – Она откинула голову, положила руку ему на грудь. – Я возьму тебя снова, Джейк.

Джейк помнил, слишком хорошо помнил первый раз, когда они были вместе. Тот день неизгладимо отпечатался в памяти. Он оттолкнул ее руку.

- Не рассчитывай.

Он закрыл за собой дверь, постоял с минуту, задумавшись. Вечер был в полном разгаре, работа кипела вовсю. Едва одетые девицы сновали по гостиным и игорным залам, приставая, соблазняя, выставляя свой товар напоказ. Некоторые глазели на Джейка выжидающе, затаив дыхание.

Он улыбнулся, но поощрять их не стал. Не то чтоб не хотелось. У него несколько недель не было женщины. К Присцилле он не прикоснется, но не деревянный же он. Ее нагота, запах возбудили его.

Еще стакан виски? Партию в покер? Часок в одной из постелей наверху? Забыться ненадолго?

- Привет, Джейк.

Одна из шлюх бочком подобралась к нему.

- Привет, Пастилка.

Фамилия ее была Долтон, она работала на Присциллу еще в те времена, когда Джейк был здесь завсегдатаем.

- Как дела?

– Не жалуюсь. – Женщина слабо улыбнулась своей лжи.

Морщины, заметные и сквозь толстый слой краски, сказали Джейку, как плохи ее дела, как ненавидит она эту жизнь. Но Пастилка трогательно отказывалась признать свое поражение, страстно желала быть приятной. Джейк всегда жалел ее.

- Тебе будет хорошо со мной, – с надеждой сказала Пастилка.

Он был почти готов внять ее мольбе, подняться с ней наверх, но все-таки покачал головой.

– Сходи лучше принеси мне шляпу и сумку, вот номерок. – Он выудил из кармана багажную квитанцию.

Пастилка бросилась выполнять поручение. Когда она вернулась, Джейк дал ей на чай пятьдесят центов. Пустячное поручение, конечно, не стоило этого, он мог ведь сходить сам.

- Спасибо.

- Всегда жду, Джейк.

Пастилка пристально, с откровенным призывом смотрела на него.

Осчастливить ее? Быть добрым к ней, к ее изголодавшемуся телу? Нет. Не давая себе передумать, он стал пробираться через толпу к выходу. Он должен успеть на сегодняшний поезд. Завтра утром его ждут в Ларсене.

Бэннер Коулмэн выходит замуж.

1

И вот настал день свадьбы. Бэннер Коулмэн чувствовала себя невестой, невестой с головы до пят. Она стояла в задней части церкви за украшенной цветами ширмой, укрытая от всех взглядов, и рассматривала людей, которые собрались здесь в свой выходной день, чтобы присутствовать на ее бракосочетании с Грейди Шелдоном.

Приглашен был почти весь Ларсен. Скамьи быстро заполнялись разодетыми по-праздничному гостями. Бэннер казалось, что явились все, кто получил приглашение.

Она переступила ножками, наслаждаясь шуршанием шелковой узкой юбки в складку и удобными туфельками. Сзади материя была собрана в турнюр и спадала коротким каскадом. Кружевная, усыпанная крошечными жемчужинами лента, завязанная под подбородком и похожая на цветок лилии, доходила до нежной впадинки между грудями, где у выреза был подложен кусочек шелка. Это было и соблазнительно, и в то же время очаровательно девственно. Кружевная вуаль, как требовала мода, закрывала темные волосы и лицо. Лучшая портниха Ларсена выписала ее из Нью-Йорка.

Обычно Бэннер носила яркие, сочные цвета, но светлое, желтоватое, как слоновая кость, свадебное платье эффектно сочеталось с ее черными как смоль волосами. Щечки у Бэннер были как спелые абрикосы. Она не гналась за модой и не старалась оставаться белой, как простокваша, – смело, не в пример другим женщинам, подставляла лицо солнцу. А еще она никогда не пряталась под зонтиком, и на переносице у нее выступали веснушки. Их она унаследовала от матери. Дамы Ларсена, собираясь вечерами за шитьем, сокрушались: «Такая хорошенькая девчушка, если б только она была поосторожней с солнцем». Но Бэннер давно примирилась со своей внешностью. Лицо у нее не было классически правильным, но ей даже нравилась его необычность. И стоит ли волноваться из-за нескольких пятнышек, это же пустяк. У мамы тоже веснушки. А мама – настоящая красавица.

Цвет глаз Бэннер унаследовала от обоих родителей сразу. У папы – зеленые, у мамы – золотистые, как виски. У нее же – нечто среднее, зеленовато-карие. «Кошачьи глаза», – говорили некоторые. Не совсем верно. В глазах Бэннер не было сумрачности, только топазово-золотистые искорки в яркой зелени.

Толпа росла. Церковь гудела от полных нетерпения голосов. Заиграл орган. Счастье переполняло Бэннер, заливая щеки персиковым румянцем. Она знала, что выглядит чудесно. Знала, что любима. Словом, чувствовала себя на седьмом небе.

Все скамьи в церкви уже были заняты. Шафер, стоя в центральном проходе, вежливо призывал гостей сдвинуться теснее, чтобы разместить вновь прибывших. Слава богу, распорядились открыть окна – по шесть с каждой стороны церкви, величественные, высокие, – и теплый весенний ветерок освежал разгоряченные лица в тугих воротничках. Дамы обмахивались кружевными веерами и изящными носовыми платочками. Их кисейные шарфики развевались на ветру.

В воздухе стояло благоухание свежих, только этим утром срезанных роз разнообразнейших оттенков – от рубиново-красных до снежно-белых. На несколько шагов впереди Бэннер стояли три подружки невесты, одетые в платья пастельных тонов с широкими поясами, своей хрупкостью они напоминали цветы, украшавшие церковь.

Более совершенной, безупречной свадьбы она и представить себе не могла.

– Ты готова, принцесса?

Бэннер повернула голову и посмотрела через вуаль на отца. Она не слышала, как он подошел к ней и занял свое место рядом с ней.

– Папа, ты сегодня такой представительный!

Росс Коулмэн ответил дочери улыбкой, которая до сих пор покоряла женщин. На его висках и в пышных усах сверкали серебряные нити, но с возрастом он стал еще обаятельней. В пятьдесят два года Росс оставался таким же крепким и широкоплечим, как прежде. Благодаря физической работе он сохранил худобу и подтянутость. В темном костюме и белой рубашке с высоким воротничком Росс действительно выглядел очень представительно. Любая невеста могла только мечтать о таком отце.

– Спасибо, – отозвался он, слегка наклоняя голову.

– Ничего удивительного, что мама вышла за тебя. В день своей свадьбы ты был так же красив?

На мгновение Росс отвел глаза.

– Нет, насколько помню.

В тот день шел дождь. Росс вспомнил кучку промокших переселенцев, собравшихся у его повозки, перепуганную Лидию, готовую, казалось, пуститься наутек, и себя самого, возмуженного и сердитого. Его заставили жениться на ней, и он был взбешен. Ему и в голову не приходило, что он совершает лучший поступок в своей жизни. Мнение его о Лидии начало меняться, когда священник сказал: «Теперь вы можете поцеловать невесту», и он впервые поцеловал ее.

– Вы поженились в обозе?

– Да.

– Пари держу, мама не возражала, даже если ты не был изысканно одет.

– Думаю, нет, – мягко и лаконично ответил Росс, не желая продолжать этот разговор.

Он искал кого-то в толпе гостей, и вот глаза его просветлели. Росс увидел женщину, которую шафер несколькими минутами раньше провел в первый ряд.

– Сегодня она выглядит прекрасно, – заметила Бэннер, проследив за его пристальным взглядом.

Лидия была в усыпанном бисером платье из шелка медового цвета. Косые лучи солнца бросали красноватые отблески на ее волосы.

– Да, прекрасно.

Бэннер, поддразнивая, толкнула отца.

– Для тебя она всегда прекрасна.

Росс снова посмотрел на дочь.

– Ты тоже.

Он окинул Бэннер заботливым взглядом, особенно платье и вуаль, которые делали ее какой-то недоступной. Скоро она будет принадлежать другому. Он не будет больше самым главным мужчиной в ее жизни. Боль сдавила горло: Росс осознал, что их отношения с сегодняшнего дня навсегда изменятся. А ему так хотелось, чтоб Бэннер оставалась его маленькой девочкой, его принцессой.

– Ты прекрасная невеста, Бэннер. Твоя мать и я – мы любим тебя. Нам нелегко отдавать тебя, даже Грейди, превосходному молодому человеку.

– Знаю, папа.

Слезы затуманили глаза девушки. Приподнявшись на носки, она откинула вуаль и поцеловала твердую щеку отца.

– Я тоже люблю тебя. Понимаешь, как сильно должна я любить Грейди, чтобы оставить тебя и маму и выйти за него?

Глаза Бэннер зашарили по церкви, и в тот же момент входная дверь на хорах открылась, священник и Грейди с тремя шаферами вошли торжественной процессией и заняли свои места под аркой из цветочных гирлянд.

Слезы Бэннер мгновенно высохли, губы растянулись в радостной улыбке. Грейди очень идет темный костюм, и его каштановые волосы причесаны так тщательно, волосок

к волоску. Вот он стоит, прямой и крепкий, может, немного мрачноватый, почти как в тот день, когда Бэннер увидела его впервые, – на похоронах отца. Она не знала Шелдонов. Мать Грейди умерла до того, как их семья переехала в Ларсен и занялась заготовкой леса. Смерть мистера Шелдона была для Бэннер просто мелкой неприятностью: родители сказали, что ей придется ехать с ними на похороны. А это значило на целый день расстаться с брюками, которые она носила на ранчо, натянуть на себя платье и тащиться в церковь. А ей хотелось посмотреть, как ковбои объезжают резвую кобылу. Бэннер было четырнадцать лет. Она ясно помнила, как поразил ее Грейди, тогда двадцатилетний, поразило, как стойко он держится у могилы отца. А ведь он остался один на свете. Для Бэннер, окруженной любящими людьми, это было невыносимо. Худшее, что могло случиться с человеком, – остаться одному, без любви. Оглядываясь назад, она думала, что полюбила Грейди именно за его отвагу.

При каждом удобном случае она увязывалась за Россом на лесопилку. Но прошло не меньше года, прежде чем Грейди заметил ее. Впервые он посмотрел на нее внимательней на дровяном складе. Бэннер пришла туда с Ли и Микой. Сперва он принял ее за мальчика – ведь одета она была по-мальчишески – и удивленно разинул рот, когда Бэннер сняла шляпу и копна черных волос рассыпалась по плечам и упала на грудь, явно обозначившуюся под бесформенной мужской рубашкой.

Вскоре Грейди стал катать ее по воскресеньям в своей коляске, приглашать танцевать на вечеринках и садиться рядом на церковных собраниях. Он присоединился к ее многочисленной свите, но самой Бэннер было до ужаса ясно: нужен ей Грейди, остальные могли быть только поклонниками.

В день, когда Грейди попросил у Росса ее руки, Бэннер кинулась за ним и гнала Ласточку так, как бедной кобыле ни разу в жизни мчаться не приходилось. Грейди остановил коляску, Бэннер спрыгнула с седла и, позабыв о девичьей застенчивости и тому подобных вещах, с криком бросилась к нему в объятия. Глаза ее сияли, щеки покраснелись.

– Что он сказал?

– Он сказал – да!

– О Грейди, Грейди... – Она прижалась к нему, потом, вспомнив, что такое поведение не пристало скромной леди, отпрянула и взглянула на суженого сквозь густые, черные как сажа ресницы.

– Теперь мы по-настоящему помолвлены и ты, наверное, можешь поцеловать меня, если хочешь.

– Я... правда? Ты уверена?

Бэннер энергично тряхнула черными кудрями. На самом деле она думала, что умрет, если Грейди не поцелует ее. Она вся тянулась к нему, жаждала почувствовать его губы на своих губах. Он нагнулся и чинно поцеловал ее в щеку.

– И это все?

Грейди отклонился и прочел удивленное разочарование на лице девушки. Она не сделала ни одного притворно-застенчивого, отстраняющего движения, которого он ожидал, и он прижался губами к ее рту.

Это было прекрасно, но все-таки чего-то не хватало. Не о таких поцелуях возбужденно шептались Ли и Мика, когда не подозревали, что она слышит их. Поцелуи, которые они так подробно описывали в те мечтательные минуты, были куда более интимными, языком. Мама и папа тоже целовались не так, не сжатыми губами, а они с Грейди даже не касались друг друга. И тогда с внезапным порывом, но и с долей любопытства Бэннер обвила руками шею парня и, изогнувшись, прильнула к нему. У него вырвался возглас изумления, на несколько секунд он потерял голову, властно привлек девушку к себе. Но губ так и не разжал. Дыхание у него перехватило, он оттолкнул Бэннер.

– Бога ради, что ты делаешь со мной?!